

Рудольф Штайнер

«Рукописи Барра»

Заметки, написанные для Эдуарда Шюре
в Барре в Эльзасе в сентябре 1907 года

(автобиографические сведения, а также сообщения
о розенкрейцерском течении и о Теософском обществе)

Фрагмент из GA 262

Рудольф Штайнер – Мария Штайнер-фон Сиверс.
Переписка и документы 1901–1925

Перевод Алексея Жилова

Б Д Н

Библиотека
духовной
науки

2020

bdn-steiner.ru

«Рукописи Барра»

*Заметки Рудольфа Штайнера,
написанные для Эдуарда Шюре в Барре в Эльзасе
в сентябре 1907 года*

I. Автобиографические заметки

Очень рано я был направлен к Канту. На пятнадцатом и шестнадцатом годах жизни я изучал Канта очень интенсивно, и *перед* переходом в Венский университет активно занимался ортодоксальными последователями Канта, от начала XIX века, которые официальной историей науки в Германии совершенно забыты и больше не являются известными. Затем к этому добавилось всестороннее углубление в Фихте и Шеллинга. В этот период пропала — и это относится уже к внешним оккультным влияниям — полная ясность о представлении времени. Это познание не находилось в какой-либо взаимосвязи с учебой и было целиком вынесено из оккультной жизни. Оно состоит в том, что существует интерферирующая с прямой обратная эволюция — оккультно-астральная. Это познание является условием для духовного видения.

Затем состоялось знакомство с агентом М.¹

Затем интенсивное изучение Гегеля.

Затем изучение новейшей философии, как она развивалась в Германии с пятидесятих годов, особенно так называемой теории познания во всех её разветвлениях.

Моя детская жизнь протекала без того, чтобы быть кем-то определяемой, так что мне никогда не выступал навстречу человек с суевериями; и если кто-то в моём окружении говорил о чём-то суеверном, то это было всегда не иначе как с сильно подчёркнутым неприятием. Хотя я познакомился с церковным культом, когда привлекался к культовому действию в качестве так называемого министранта², но нигде не встречал — даже среди священников, которых я знал, — подлинного благочестия и религиозности. Напротив, перед моими глазами всё больше и больше выступали тёмные стороны католического духовенства.

Я не сразу встретился с М., но сначала с его посланником, который был глубоко посвящён в тайны всех растений и их взаимосвязи с Космосом и человеческой природой. Для него общение с духами природы было чем-то само собой разумеющимся, что высказывалось без энтузиазма, и потому тем более пробуждало энтузиазм.

Официальные занятия были направлены на математику, химию, физику, зоологию, ботанику, минералогию и геологию. Эти штудии придавали основанию духовного мировоззрения намного бóльшую надёжность, чем, например, история или литература, которые в тогдешней немецкой науке существовали без определённого метода и без значительных перспектив.

На первые университетские годы в Вене пришлось моё знакомство с Карлом Юлиусом Шрёэром. Сначала я слушал его лекции по истории немецкой поэзии со времени первого выступления Гёте, о Гёте и Шиллере, по истории немецкой поэзии XIX века, о «Фаусте» Гёте. Я также принимал участие в его «упражнениях в устном докладе и письменном изложении». Это был своеобразный университетский колледж по образцу учреждения Уланда в университете Тюбингена³. Шрёэр занимался изучением немецкого языка, провёл значительные исследования немецких диалектов в Австрии, он был исследователем в стиле братьев Гримм и в литературных изысканиях являлся почитателем Гервинуса. До этого он был директором венских евангелических школ. Он был сыном поэта и чрезвычайно заслуженного педагога. Во время моего знакомства с ним он целиком обратился к Гёте. Он написал много читаемые

---

¹ mit dem Agenten d. M. — с агентом Мастера.

² В латинском обряде Католической церкви мирянин (обычно юноша), прислуживающий священнику во время мессы и иных богослужений.

³ Людвиг Уланд (Ludwig Uhland, 1787–1862) — немецкий поэт и филолог, основоположник швабской школы романтизма.

комментарии к «Фаусту» Гёте, а также к другим его драмам. Ещё до времён упадка немецкого идеализма он вёл свои исследования в университетах Лейпцига, Галле и Берлина. Он был живым воплощением благородной немецкой культуры. К нему тянулся человек. Вскоре я сблизился с ним и затем часто бывал в его доме. Это было сродни пребыванию в идеалистическом оазисе посреди сухой материалистической пустыни немецкого образования. Во внешней жизни это время было наполнено националистической борьбой в Австрии. Сам Шрёер стоял в стороне от естествознания.

Однако я работал тогда, с начала 1880 года, над естественно-научными трудами Гёте.

Затем Йозеф Кюршнер основал всеобъемлющее издание «Немецкой национальной литературы», в котором Шрёер выступил редактором драм Гёте, написав к ним введения и комментарии. По рекомендации Шрёера Кюршнер поручил мне издание естественно-научных сочинений Гёте.

Шрёер написал по этому поводу предисловие, через которое представил меня литературной общественности.

В рамках этого собрания работ я написал введения к гётевской ботанике, зоологии, геологии и учению о цвете.

Тот, кто прочтёт эти введения, уже сможет найти в них теософские идеи в облачении философского идеализма.

Также там присутствует критическое рассмотрение Геккеля.

Как философское дополнение к этому в 1886 году вышла написанная мной теория познания.

Затем благодаря моему знакомству с австрийской поэтессой М. О. делле Грацие, которая в лице профессора Лауренца Мюльнера обрела отечески заботливого друга, я был введён в круг венских профессоров теологии. Мария Ойген делле Грацие написала большую эпическую поэму «Робеспьер» и драму «Тени».

В конце восьмидесятых я стал на короткое время редактором «Немецкого еженедельника» в Вене. Это давало возможность интенсивно заниматься народными душами различных австрийских национальностей. Нужно было найти путеводную нить для духовной культурной политики.

При всём этом не могло быть и речи об открытом выступлении оккультных идей. И стоящие за мной оккультные силы дали мне только один совет: «Всё в одеждах идеалистической философии».

Одновременно со всем этим продолжалась моя более чем пятнадцатилетняя деятельность в качестве воспитателя и частного учителя.

Первое соприкосновение с венскими теософскими кругами в конце восьмидесятых должно было остаться без внешне видимых последствий.

В мои последние месяцы в Вене я написал небольшое сочинение «Гёте как отец новой эстетики».

Затем я был приглашён в основанный тогда архив Гёте и Шиллера в Веймаре для редактирования естественно-научных трудов Гёте. В архиве я не имел официальной должности; я был лишь сотрудником в большом «Софийском издании»⁴ работ Гёте.

Моей следующей целью было дать *чисто философское* основание моего мирозерцания. Это было сделано в двух сочинениях: «Истина и наука» и «Философия свободы».

Архив Гёте и Шиллера посещали многие известные учёные и литераторы, а также другие видные деятели как Германии, так и зарубежных стран. Я ближе познакомился с этими личностями, так как вскоре сдружился с директором архива профессором Бернхардом Зуфаном и много времени проводил у него дома. Зуфан приглашал меня на многие частные встречи с посетителями архива. Благодаря одной из таких возможностей состоялась также встреча с Трейчке⁵.

---

⁴ Имеется в виду великая герцогиня София Веймарская.

⁵ Генрих фон Трейчке (Heinrich von Treitschke, 1834–1896), крупный немецкий историк, литературный критик, профессор, автор «Истории Германии в XIX веке» в 5 томах, политик.

Более тесная дружба возникла у меня тогда со вскоре умершим немецким исследователем мифов Людвигом Лайстнером, автором «Загадки Сфинкса».

Многократно я вёл беседы с Германом Гриммом, который много говорил мне о его так и не вышедшей работе «История немецкой фантазии».

Затем пришёл эпизод с Ницше. Незадолго до этого я даже писал о Ницше в смысле противостояния с ним.

Мои оккультные силы указывали мне на то, чтобы давать течь тому, что незаметным образом присутствует в потоках времени как направление истинно духовного. К познанию приходят не тогда, когда хотят безусловно насаждать собственную точку зрения, а через погружение в чуждые духовные потоки.

Так написал я мою книгу о Ницше, полностью встав на его точку зрения. И возможно как раз по этой причине это самая объективная в Германии книга о Ницше. И Ницше как анти-вагнерианец и анти-христианин приходит здесь к своему правомерному выражению.

Теперь я считался какое-то время убеждённым «ницшеанцем». —

В то же время в Германии было основано «Общество этической культуры». Это общество хотело нравственности, полностью индифферентной к какому бы то ни было мировоззрению. Совершенный воздушный замок и опасное образование. Я написал против этого учреждения острую статью в еженедельнике «Будущее»⁶.

Последствием были резкие возражения. А мои предыдущие занятия Ницше привели к тому, что появилась направленная против меня брошюра «Ницше-дурачье»⁷.

Оккультная точка зрения требует: «Никакой ненужной полемики» и «Избегай, там, где ты можешь, того, чтобы защищать себя».

В полном покое я написал мою книгу «Мировоззрение Гёте», которая стала завершением моего веймарского периода.

Сразу после моей статьи в «Будущем» ко мне приблизился Геккель. Через две недели он написал в «Будущем» статью, в которой открыто признавал мою точку зрения, что этика может вырасти только на почве мировоззрения.

Вскоре после этого Геккелю исполнилось шестьдесят лет. День рождения, который отмечался в Йене как большой праздник. Друзья Геккеля привлекли меня к участию. Тогда я в первый раз увидел Геккеля. Лично он представляет собой полную противоположность тону его сочинений. Если бы Геккель когда-нибудь хоть немного изучал философию, в которой он не то что дилетант, а просто сущий младенец, тогда он безусловно сделал бы из своих эпохальных филогенетических исследований высшие спиритуальные выводы.

Ныне, несмотря на всю немецкую философию, несмотря на всю остальную немецкую культуру, филогенетическая мысль Геккеля является самым значительным деянием немецкой духовной жизни второй половины девятнадцатого века. И нет лучшего научного основания оккультизма, чем учение Геккеля. Геккель велик, и Геккель худший комментатор этого учения. Пользу культуре приносят не тем, что показывают современникам слабые стороны Геккеля, но когда представляют им величие его филогенетических мыслей. Это то, что я сделал далее в двух моих томах «Миро- и жизневоззрения в девятнадцатом веке»⁸, которые посвящены также и Геккелю, и в моём маленьком сочинении «Геккель и его противники».

Лишь в геккелевской филогении на самом деле *живёт* эпоха немецкой духовной сущности (Geisteswesens); философия находится в состоянии плачевной бесплодности, теология является лицемерной паутиной и даже отдалённо не осознаёт своей неправдивости, а науки, несмотря на великий расцвет эмпиризма, впадают в безотрадное философское невежество.

В 1890–1897 я был в Веймаре.

В 1897 я переехал в Берлин в качестве издателя «Литературного журнала». Сочинения «Миро- и жизневоззрения в девятнадцатом веке» и «Геккель и его противники» относятся уже к берлинскому периоду.

---

⁶ «Zukunft».

⁷ «Nietzsche-Narren».

⁸ Впоследствии сочинение вошло в состав двухтомника «Загадки философии» (GA 18).

Моя ближайшая задача должна была быть следующей: привести к выражению в литературе духовное течение. Журнал я поставил на службу этой задаче. Это было старое уважаемое издание, существующее с 1832 года и прошедшее через самые различные этапы своей жизни.

Я осторожно и постепенно переводил его в эзотерическое русло. Осторожно, но отчетливо: написав к столетию со дня рождения Гёте статью «Тайное откровение Гёте», которая лишь воспроизводила то, что я уже наметил в открытой лекции в Вене о сказке Гёте «Зелёная змея и прекрасная Лилия».

В природе самого предмета заключалось то, что вокруг инаугурированного мной в журнале направления постепенно собрался определённый круг читателей. И хотя он образовался, но всё же не так быстро, чтобы издатель нашёл дело финансово выгодным. Я хотел дать молодому литературному направлению духовное основание, и я действительно находился в оживлённом сообщении с перспективными представителями этого направления. Но, с одной стороны, меня подвели, а, с другой стороны, это направление вскоре погрузилось либо в пустую мелочность, либо в натурализм.

Между тем уже была налажена связь с рабочим классом. Я стал учителем в немецкой школе для рабочих. Я преподавал историю и естественные науки. Мой совершенно идеалистический исторический метод и мой способ преподавания вскоре заслужил расположение, а также встретил понимание со стороны рабочих. Круг моих слушателей рос. Почти каждый вечер меня приглашали прочитать лекцию.

Тогда наступило время, когда я, в согласии с оккультными силами, стоявшими позади меня, мог сказать себе:

ты дал философское основание воззрению на мир,

ты принёс понимание различных течений эпохи, рассматривая их так, как это мог сделать лишь их абсолютный приверженец;

никто не может сказать: этот оккультист говорит о духовном мире, потому что не знаком с философскими и естественно-научными достижениями нашей эпохи.

В то время я достиг сорокалетнего возраста, до наступления которого никто, в смысле Мастера, не может открыто выступать в качестве учителя оккультизма. (Везде, где кто-то учит раньше этого срока, присутствует ошибка.)

Теперь я мог посвятить себя теософии. Следующим последствием было то, что по настоянию некоторых лидеров немецкого социализма было созвано генеральное собрание школы для рабочих, которое должно было выбрать между марксизмом и мной. Но остракизм по отношению ко мне *не* прошёл. На общем собрании *всеми*, при всего *четырёх* голосах против, было решено оставить меня в качестве преподавателя.

Однако терроризм со стороны руководителей привёл к тому, что через три месяца мне пришлось уйти. Чтобы не компрометировать себя, дело было представлено следующим образом: я слишком занят делами теософского движения, так что не имею достаточно времени для рабочей школы.

Почти с самого начала теософской деятельности фройляйн фон Сиверс находится на моей стороне. Она также лично наблюдала последнюю фазу моих отношений с берлинским рабочим классом.

II. О розенкрейцерском течении

В первой половине XV века *Христиан Розенкрейц* отправился на Восток, чтобы найти баланс между посвящением Востока и посвящением Запада. Следствием этого, после его возвращения, стало *окончательное* основание розенкрейцерского течения на Западе. В этой форме розенкрейцерство должно было быть хранимой в строгой тайне школой для приготовления того, чему предстояло открыто стать задачей эзотерики на рубеже XIX и XX столетий, когда внешнее естествознание придёт к предварительному решению определённых проблем.

В качестве этих проблем Христиан Розенкрейц назвал:

1) Открытие спектрального анализа, благодаря чему удалось бы выявить материальное строение Космоса.

2) Введение материальной эволюции в науку об органическом.

3) Познание факта существования иного, отличного от обыденного состояния сознания, через признание гипнотизма и суггестии.

Только после того, как *эти* материальные познания созрели бы в пределах науки, должны были определённые розенкрейцерские принципы выступить из науки тайноведения для открытого сообщения.

До этого времени христианско-мистическое посвящение было дано для Запада в той форме, в которой оно через посвятителя, «Неизвестного из Оберланда», втекало в св. Виктора, Майстера Экхарта, Таулера и т.д.

Как «высшая степень» рассматривается внутри всего этого течения посвящение *Манеса*⁹, который в 1459 году посвятил также Христиана Розенкрейца: оно состоит в истинном познании функции зла. Это посвящение с его подосновами должно ещё долго оставаться совершенно сокрытым от общего взора. Ибо где бы от него ни проникал в литературу хотя бы малый луч света, там он причинял бедствия, как через благородного Гюйо¹⁰, учеником которого стал Фридрих Ницше.

III. О Теософском обществе

В качестве информации; в данной форме это ещё не может быть высказано прямо.

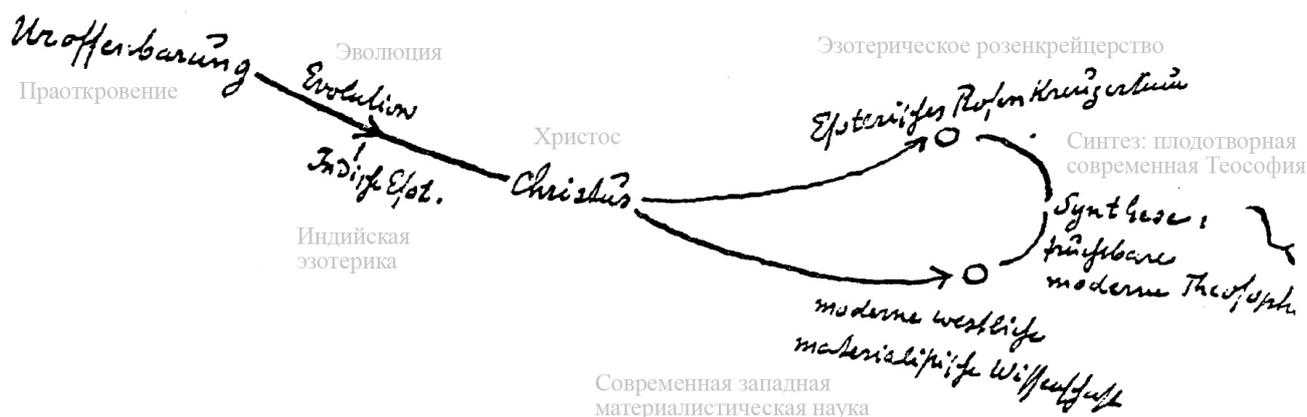
Теософское общество было основано в 1875 году в Нью-Йорке через Е. П. Блаватскую и Г. С. Олкотта. Это первое основание носило явно выраженный западный характер. Также и сочинение «Разоблачённая Изида», в котором Блаватская открыла большую сумму оккультных истин, носит такой западный характер. Однако об этом сочинении следует сказать, что те великие истины, которые в нём сообщаются, оно представляет в многократно искажённом, зачастую карикатурном виде. Это выглядит подобно тому, как гармоничное лицо в выпуклом зеркале предстаёт совершенно искажённым. Вещи, о которых говорится в «Изиде», истинные; но то, как о них говорится, является беспорядочным отображением истины. Это происходит из того, что сами истины *инспирированы* великими *посвящёнными Запада*, которые также являются инициаторами розенкрейцерской мудрости. Искажение же происходит из-за того ненадлежащего способа, каким эти истины были восприняты *душой* Е. П. Блаватской. Для образованного мира как раз *этот* факт должен был бы быть доказательством высшего инспиративного источника этих истин. Ибо тот, кто воспроизвёл их в таком искажённом виде, никогда не смог бы обрести их через самого себя. Поскольку тогда посвящённые Запада увидели, как мало у них возможности дать вливаться подобным образом потоку спиритуальной мудрости в человечество, они решили вообще пока оставить дело *в такой форме*. Но однако врата теперь были открыты: душа Блаватской была так подготовлена, что в неё могла вливаться спиритуальная мудрость. Этим смогли завладеть её *восточные* учителя. Эти восточные посвящённые имели вначале самые лучшие цели. Они видели, как благодаря англо-американизму человечество столкнулось со страшной опасностью полной материализации всего характера представлений. Они — эти восточные посвящённые — хотели привить западному миру *свою* форму сохранившегося с древних времён спиритуального познания. Под влиянием этого потока Теософское общество приняло восточный характер, и под этим же влиянием были инспирированы «Эзотерический буддизм» Синнетта и «Гайна доктрина» Блаватской. Но оба эти сочинения снова стали искажением истины. Труд Синнетта искажает высокие провозвестия посвящённых через привнесённый им неудовлетвори-

⁹ die Initiation des Manes.

¹⁰ Жан Мари Гюйо (Jean-Marie Guyau, 1854–1888), французский поэт и философ.

тельный философский интеллектуализм, а «Гайная доктрина» Блаватской — через её собственную хаотичную душу.

Следствием этого было то, что посвящённые, в том числе и восточные, всё больше отводили своё влияние от официального Теософского общества, и оно становилось ареной действия различных оккультных сил, искажающих высокие вещи. Произошёл небольшой эпизод, в котором Анни Безант вошла в поток посвящённых благодаря своему чистому, благородному образу мышления и действий. Но этот маленький эпизод закончился тем, что Анни Безант поддавалась влиянию некоторых индийцев, которые, в особенности под воздействием неверно интерпретированных ими немецких философём¹¹, развили гротескный интеллектуализм. Таково было положение вещей, когда я сам оказался поставленным перед необходимостью вступить в Теософское общество. У его колыбели стояли подлинные посвящённые, и *тем самым* оно, хотя и придало последующим событиям некоторый искажённый характер¹², является *пока* инструментом для спиритуальной жизни современности. Плодотворность его дальнейшего развития в западных странах полностью зависит от того, насколько оно окажется способным воспринять принцип западного посвящения. Ведь восточные посвящения необходимо должны оставить незатронутым *принцип Христа* как центральный *космический* фактор эволюции. Но без этого принципа теософское движение должно было бы остаться в стороне от определяющего воздействия на западные культуры, которые своей исходной точкой имеют жизнь Христа. Откровения восточного посвящения должны были бы сами по себе стоять на Западе как некое сектантство *рядом* с живой культурой. Они могли бы иметь надежду на успех в эволюции только в том случае, если бы они искоренили принцип Христа из западной культуры. Но это было бы равнозначно уничтожению¹³ подлинного *смысла Земли*, заключающегося в познании и осуществлении интенций *живого Христа*. Но [их] полное раскрытие в форме мудрости, красоты и деяния является важнейшей целью розенкрейцерства. О ценности восточной мудрости как учения может существовать лишь то мнение, что это учение имеет высочайшую ценность, так как западные народы утратили смысл эзотерики, в то время как восточные народы его сохранили. Но о *введении* правильной эзотерики на Западе должно быть единственно такое мнение, что это может быть только розенкрейцерско-христианским, потому что *она* родила западную жизнь и потому что через её утрату человечество Земли отреклось бы от своего смысла и своего предназначения. Только в этой эзотерике может расцвести гармония науки и религии, в то время как всякий сплав западного знания с восточной эзотерикой может породить лишь такую бесплодную помесь, каковой является «Эзотерический буддизм» Синнетта. Можно схематически изобразить правильное:

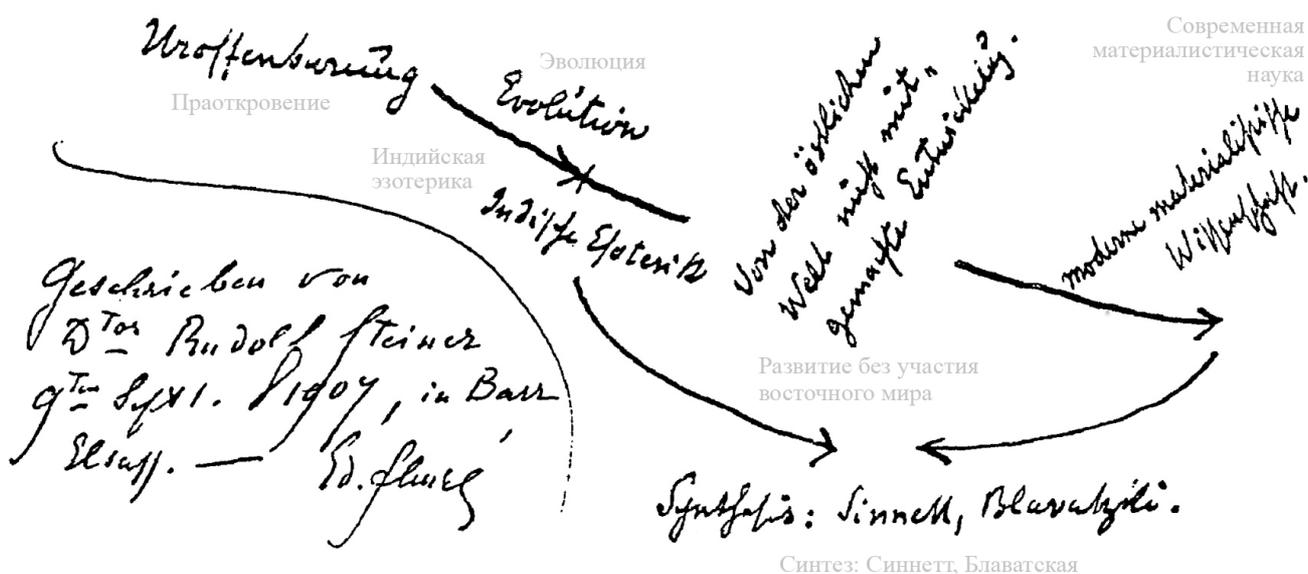

¹¹ Philosopheme.

¹² Unvollkommenheit.

¹³ Auslöschten.

Неправильное, примером которого являются «Эзотерический буддизм» Синнетта и «Тайная доктрина» Блаватской:

К автобиографическому очерку¹⁴

Вышеприведённый документ является важным для познания жизненного пути Рудольфа Штайнера. Здесь он впервые публикуется в полном объёме. Рудольф Штайнер написал этот очерк, когда в сентябре 1907 года вместе с Марией фон Сиверс был в гостях у Эдуарда Шюре. Это было в Барре в Эльзасе, где Шюре, обычно живущий в Париже, останавливался летом. Поводом к появлению этого очерка послужило желание Шюре написать к готовящемуся им переводу книги «Христианство как мистический факт» более обширное введение. Для этого ему нужны были сведения о Рудольфе Штайнере, который собственноручно написал на десяти страницах вышеприведённый текст, не предназначавшийся для непосредственной открытой публикации, но лишь в качестве основы для работы Шюре. Шюре уже знал кое-что из переписки с Марией фон Сиверс (см. предыдущие номера «Известий»¹⁵) и должен был также многое устно уточнить у Рудольфа Штайнера, так как введение занимало шестьдесят три печатных страницы, которые являются, впрочем, отчасти его собственным сочинением. Это введение, которое затем вошло и в английское издание книги «Христианство как мистический факт», является очень примечательным трудом и, несмотря на некоторые неточности и ошибки, представляется весьма ценным. Как ни странно, оно никогда не выходило на немецком языке.

Листки были надписаны рукой Шюре: «Автобиографические сообщения о жизни и духовном развитии Рудольфа Штайнера (родившегося в Австрии в 1861 году), написанные им самим в Барре, Эльзасе, в сентябре 1907».

Текст содержит самое важное, выраженное в лаконичной форме. И среди чрезвычайно редких высказываний Рудольфа Штайнера о его собственной личности и его жизни данное сообщение является первым. Во второй раз он дал описание своей юности и своего духовно-

¹⁴ Данное предисловие Роберта Фриденделя (Robert Friedenthal) сопровождало первую, автобиографическую часть «Рукописей Барра», опубликованную 30 марта 1965 года в приложениях к GA в тетради №13 (Heft 13), посвящённой сорокалетию со дня смерти Рудольфа Штайнера.

¹⁵ «Nachrichten».

го развития, в некоторой степени совпадающее с настоящим текстом, в лекции 4 февраля 1913 года в Берлине (перепечатана в первом томе «Писем»¹⁶). Тогда поводом для такого выступления стала необходимость противостоять распространявшейся клевете. В третий раз Рудольф Штайнер говорил о себе в своей автобиографии «Мой жизненный путь», которую он писал в самый последний период своей жизни и завершению которой — она обрывается на моменте 1907 года — помешала его смерть.

Примечательно, что в качестве одного из самых ранних духовных познаний, открывшихся ему, Рудольф Штайнер называет то, которое связано с обратным ходом времени в астральном. Рассмотрение этой проблемы проходит через всю его жизнь, и в многочисленных лекциях факт двух потоков постоянно освещается с новых сторон.

Другое примечательное сообщение — это указание на упомянутого лишь в берлинской лекции «Мастера», чей «агент» или «посланник» был сборщиком трав, выступившим в драмах-мистериях как «Феликс Бальде», и которого в жизни звали Феликс Когуцки. Интересные подробности о нём сообщает Эмиль Бок в своей работе «Рудольф Штайнер. Исследование его жизненного пути и жизненных трудов» (Штутгарт, 1961). О «Мастере» Рудольф Штайнер говорит также в своей вышеупомянутой лекции: он понимал, как «в душе юноши, стоящего внутри духовного мира, пробудить основополагающие, систематические вещи, с которыми надо быть знакомым в духовном мире». Этот «примечательный человек», который во внешней профессии был столь же незаметным, как Феликс, указал ему на Фихте. Его имя неизвестно.

Помимо напечатанного здесь автобиографического очерка существуют ещё два так называемых документа Барра. В одном, совсем коротком, речь идет о происхождении розенкрейцерства. Этому течению суждено было установить равновесие между посвящениями Востока и Запада. Оно было основано в первой половине XV века и должно было держать в тайне духовные истины до тех пор, пока внешняя наука не придёт к предварительному разрешению определённых проблем: материального единства вселенной, естественного развития живых существ, отличных от повседневного состояний сознания. — Поскольку эти открытия в XIX веке были сделаны, розенкрейцерские принципы могли быть из науки тайноведения представлены для открытой передачи. — Этот документ воспроизводится Шюре в соответствии с его содержанием. Третий документ содержит историю теософского движения в связи со стоящими за ним оккультными силами, — примерно в том виде, в каком эта история была представлена Рудольфом Штайнером в 1915 году в цикле «Оккультное движение в XIX столетии».

Сорок лет со дня смерти Рудольфа Штайнера, исполняющиеся 30 марта 1965 года, дают нам повод сделать автобиографический очерк достоянием общественности. В дальнейшем же все три документа появятся в своё время в полном собрании сочинений.

Роберт Фриденваль

---

¹⁶ Эта лекция напечатана в первом томе «Писем» (GA 38) лишь 1948 и 1955 годов издания. Впоследствии она была выпущена в цикле дополнений к полному собранию трудов (Beiträge zur Rudolf Steiner Gesamtausgabe) отдельной тетрадью под названием «К детству и юности Рудольфа Штайнера. Сообщения и документы» («Zur Kindheit und Jugend Rudolf Steiners. Berichte und Dokumente», Heft 83/84).